



Александр Мелихов

Русский писатель и публицист. Родился в 1947 году в г. Россошь Воронежской области. Окончил ЛГУ, кандидат физико-математических наук. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Автор десятков изданных книг и нескольких сотен публикаций в таких периодических изданиях, как «Нева», «Звезда», «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов» и других. Лауреат премий Правительства Санкт-Петербурга (2006 и 2022), «Проза года» (2022), петербургского ПЕН-клуба (1993), им. Н. В. Гоголя (четырежды), журнала «Полдень, XXI век» (2008), Международных литературных премий им. Фазиля Искандера и И. А. Гончарова, фонда «Антифашист» за статью об идеологии немецкого фашизма, опубликованную в журнале «Дружба народов», и ряда других. Шорт-листер премии «Русский Букер» (2001). Произведения переводились на английский, итальянский, китайский, немецкий, польский и другие языки. Заместитель главного редактора журнала «Нева». Живет в Санкт-Петербурге.

Карасик-идеалист, или Последние из могикан

Путь с Запада

Доцент Карасик спорил с доцентом Ершовым. Широким ленинским жестом он указывал на готическую церковь за окном и провозглашал, что историческая миссия евреев в этом европейском уголке советской империи — наводить мосты между советским варварством и общечеловеческой культурой. Именно поэтому в своем курсе зарубежной литературы он постоянно проводит параллели между европейскими и здешними классиками. А местных писателей переводит на русский язык и издает в Москве.

— Но ты же понимаешь, — ехидничал Ершовер, — что тутошние классики в подметки не годятся твоим Байронам и Фолкнерам? Да и, строго между нами, Булгаковым и Бабелям. А издают их в Москве только ради ублажения национальных окраин. А получают они свою независимость, так в России про них тут же забудут. А здесь тебя объявят оккупантом и приспешником Москвы. За то, что ты переводил других приспешников. Евреям не нужно впутываться в чужие распри, их, в конечном счете, обе стороны сделают козлами отпущения. Никакой общечеловеческой культуры нет и не будет, все культуры национальные. Общечеловеческой может быть только наука. Вот я свои интегралы и дифференциалы буду преподавать при любых режимах, а тебе, прошу прощения, дадут пинком под зад.

Ершовер спорил отрывисто и беспокойно. Накипело у него на сердце... ах, накипело! До ненависти покуда еще не дошло, но веры и наивности уж и в помине нет. Вместо дружбы народов и слияния в общем экстазе он всюду видит тайные подсиживания и предательства, вместо прогресса — торжество пошлости. Карасика же считает «блаженненьким», хотя в то же время сознает, что с ним только и можно душу отвести. Потолковать о высоком.

А Карасик в высоком парил и трепетал, как жаворонок в небе.

— Ты говоришь о прошлом. А мир идет к единству! Глобализация шествует семимильными шагами! Всюду английский язык, всюду одни и те же фильмы, одни и те же музыкальные хиты!

— Ах, фофан ты, фофан! Никакая это не общечеловеческая, а американская культура для плебса. И скоро по всему миру пойдут такие национальные реконкисты, что небесам жарко станет. А первыми предателями, пятой колонной объявят культуртрегеров вроде тебя. Так что лучше-ка ты заранее укладывай чемодан. Не дожидайся подсказки «чемодан-вокзал-Израиль».

Этой подсказки доцент Карасик так и не дождался — просто национальному возрождению потребовались верные сердца и чистые руки, незамаранные сотрудничеством с оккупантами. А доцента Ершова освободили от его интегралов и дифференциалов из-за слабого владения национальным языком — неприлично же, когда досента говорила с аксента. И рассказывать налево и направо о том, что все его студенты прекрасно понимали русский язык, Ершоверу пришлось уже в Тель-Авиве, в бетонном районе Шхунат Хатиква, что означает «Район Надежды» — надежды когда-нибудь из него выбраться.

Но Карасик и Ершовер подобными надеждами не обольщались. Карасик в безгонорарной русскоязычной газете из номера в номер призывал исконных израильтян развернуться к своей исторической мис-

сии — служить мостом между Западом и Востоком, а не погружаться в блаженное безвременье магрибизации. Ершовер же был сочтен недостойным интегралов и дифференциалов и учил синусам и тангенсам в более чем средней школе. И с горьким разочарованием открыл, что совершенно напрасно считал математическую одаренность таким же антропологическим признаком евреев, как черные кудри и горбатый нос. Чтобы снести такое посрамление лично себя и почитаемой науки, он перед входом в класс каждый раз твердил заклинание: «За это я получу шестьдесят шекелей, шестьдесят шекелей, шестьдесят шекелей, шестьдесят шекелей...»

Теперь споры друзей в раскаленной квартирке без кондиционера с видом на мусорные баки под сказочной пальмой из «Тысячи и одной ночи» выглядят примерно так.

— Моя дочка — настоящая еврейская мама, она готовы мыть лестницы, чтобы только дать сынишке образование, — торжественно заводит Карасик. — Но у него в школе не учеба, а сплошной магрибский кейф. Что ни сделай — за все молодец. Язык плохо знаешь, не все понимаешь? Не беда, со временем поймешь. Дочка как-то устроила ему проверку и пришла в ужас. Отправилась к директору — и получила ведро холодной воды за шиворот. «Учительница в класс пришла? Пришла. Урок дала? Дала. А если ваш ребенок его не усвоил — это его проблемы. И вообще, цель начальной школы — не образование, а социализация». — «Какая может быть социализация, если ребенок бездельничает?!» — «А какая может быть социализация, если ребенок испытывает страх, унижение?» Чешет как по писаному! «Будьте мамой, не принуждайте, ребенок от учебы должен испытывать удовольствие. Главное, чтобы он был хорошим человеком, любил семью, любил будущих детей...» — «Но он же ничего не читает! Только смотрит телевизор и играет в компьютерные игры!» — «Какой умница! А то есть такие, что только смотрят телевизор. А почему он должен читать? Вы, русские, из всего устраиваете проблемы — ну, не читает, ну, не знает математики... Так будет, может быть, владельцем кафе, и станет зарабатывать в десять раз больше профессора, будет банковским служащим, администратором в гостинице, профессиональным военным — все же как-то находят свое место». У них в школе и в самом деле не столько учатся, сколько сюсюкают. На уроке вместо диктантов пишут папе с мамой любовные послания! Вместе с претензиями. Могут целый год заниматься исследованием «корней» своей семьи, потом устраивают выставку генеалогических «деревьев»... Все это неплохо, но евреи должны думать не только о семье, но и о человечестве! О своей исторической миссии!

— Евреи устали думать о миссии, о человечестве, — брызжит Ершовер. — Тем более, что это им всегда выходит боком. Они решили, нако-

нец, пожить для себя. До шестого класса играть, до девятого — слегка учиться, и только тут братья всерьез. Сначала не всех берут в тихон. А из тех, кто пробился, багрут получают меньше трети. В Союзе это был скандал — как, ученик не получил аттестат, у нас же всеобщее среднее?! А здесь это никого не волнует. Хочешь — нанимай репетиторов, хочешь — сдавай через год, через два, да хоть через десять. А остальные пускай себе гуляют и без багрута, есть масса профессиональных курсов. И ничего, живут. И неплохо. И притом не за чужой счет. Уже в школе подрабатывают. К своей семье относятся серьезно. А что нет нашего культа образования, так на хрена он нужен, этот культ? Это на чужбине, во враждебном окружении надо было наверх карабкаться при помощи ума. И это же нам же потом ставили в вину — евреи не хотят землю пахать, евреи не хотят в армии служить... А здесь, у себя дома, и пашут, и служат. Люди как люди. Избыток умников ничего хорошего не дает. Все с апломбом, по любому вопросу тридцать пять тысяч мнений!.. А абстрактно они образование уважают. Когда узнают про мою ученую степень, приходят в восторг. Только к себе этого совершенно не применяют. Как если бы я умел ходить по канату.

— Так что, по-твоему, еврейской культурной элите здесь вообще конец?.. Все будут клерками и солдатами?!

— Каждому свое. Не мыслишь счастья без науки, без культуры — сдирай с себя и детей три шкуры, погружай их в твою любимую европейскую культуру, вози по мировым музеям, вбивай по пять языков, таскай по концертам классической музыки... Они, кстати, собирают полные залы. А находишь прелесть в маленьких радостях труженика дисплея или баранки — так и сиди за дисплеем или баранкой. А после работы — в садике с детишками или с пивом перед ящиком. Но никто не обязан притворяться умным, как это было в Союзе. А если вдруг посетит тебя страсть к высокому — так есть для этого куча курсов. И молодым, и старым везде у нас дорога. Можешь на пенсии заняться лепкой, а можешь изучать санскрит.

— И что, многие изучают?

— Откуда я знаю? Хотят — изучают, хотят — не изучают.

— Нет, еврейскому народу конец!

— По-твоему, нормальная жизнь — это конец?

— Она нормальная для гоев, а мы — избранный народ!!!

— Вот ты как заговорил! Ты же неверующий? Ты же за единую европейскую цивилизацию?

Друзья расходятся, едва кивнув друг другу. Но через два-три дня собираются снова — с кем-то же надо отводить душу!

Путь с Востока

Доцент Карасик спорил с доцентом Ершовым. Широким ленинским жестом он указывал на переделанную в кинотеатр мечеть за окном и провозглашал, что историческая миссия евреев на этой азиатской окраине советской империи — окраине величиной с пять-шесть Франций и под сотню Бельгий — наводить мосты между азиатской отсталостью и общечеловеческой культурой. Но путь Азии в Европу лежит через Россию. Именно поэтому в своем курсе русской литературы он постоянно проводит параллели между русскими, европейскими и здешними национальными классиками. А здешних национальных писателей переводит на русский язык и издает в Москве.

Дальше вы знаете: раскаленная квартирка без кондиционера с видом на мусорные баки под сказочной пальмой из «Тысячи и одной ночи» — и так далее.

Путь с Рязанщины

Доцент Карасик спорил с доцентом Ершовым. Широким ленинским жестом он указывал на колокольню Рязанского Кремля за окном и провозглашал, что историческая миссия евреев в этом великорусском сердце советской империи — наводить мосты между архаизированной русской и общечеловеческой культурой. Именно поэтому в своем курсе русской литературы он постоянно проводит параллели между русскими и европейскими классиками. Именно поэтому он делает акцент на Мандельштаме, поскольку и весь акмеизм — это тоска по европейской культуре.

Дальше опять-таки раскаленная квартирка без кондиционера с видом на мусорные баки под сказочной пальмой из «Тысячи и одной ночи» — про Карасика с Ершовым все понятнее некуда.

А вот что будет с их внуками и правнуками — этого не знает никто.